

Николай Бодан

Армия жжот

*Дневник офицера
Советской армии*

Николай Бодан
Армия жжот. Дневник
офицера Советской армии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233945

ISBN 9785448321658

Аннотация

Очень интересная книга от автора о Советской армии, повествующая о буднях и праздниках советских офицеров веселым и доступным языком.

Содержание

Коньковый ход	5
Господа юнкера, кем вы были...	10
Дед Мороз	26
Любовь и сникерс	40
Проверка или все хорошо	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Армия жжот
Дневник офицера
Советской армии
Николай Бодан

*Все имена и фамилии в тексте вымышлены.
Любое совпадение является случайным... хотя
черт его знает*

© Николай Бодан, 2016

ISBN 978-5-4483-2165-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коньковый ход

Лыжи. Как это здорово. Соревнования по телевизору. Мужчины, женщины, «коньковым» ходом.

Вон новички, вчера на лыжи первый раз встали, сегодня уже «коньковый» ход стараются отработать, «классический», этим уже ни кого не удивишь, это уже прошлый век, то ли дело «конёчком», вот это ход, вот это техника.

Далекая зима 1982 года. Далекая для молодого поколения и такая близкая и безвозвратная для моего.

Военное училище, 1-й курс, занятия по ФИЗО на лыжах. Парк «Швейцария».

Живописнейшее место на самом верху Дятловых гор. Волжские крутые откосы, изрезанные оврагами, поросшие деревьями и кустарником.

Погода, как у классика, «Мороз и солнце».

Занятие проводит сам начальник кафедры физ. подготовки подполковник Курмаев.

По национальности татарин, а по кличке «Монгол».

Не курит, не пьет, всегда одет с иголки.

Вот и сейчас, на занятии, у него финские пластиковые лыжи, на нем шикарный, по тем временам, спортивный костюм «Adidas».

Помните присказку:

«Тот, кто носит „Adidas“, тот скоро родину продаст»,
а еще... «тот несомненно педераст».

Это, конечно, просто зависть, рожденная коммунистическим дефицитом, но отчасти и пропаганда.

Мы стоим в «развернутом» строю по отделениям. Форма одежды у нас военно-спортивная: шапка- ушанка, шинель, сапоги. Лыжи-«гробы» с сыромятными креплениями.

- Равняйся! Смирно! —командует зав. кафедрой «Монгол».
- Тема занятия – изучение и обработка «конькового» хода на лыжах!
- Вольно!

Вот здорово! «Коньковый» ход еще не набрал свою популярность, он только входит в спортивную жизнь, потихоньку оттесняя «классический». А мы уже изучим его и отработаем.

Хорошо быть на гребне новой волны. Которая вот- вот накроет спортивный мир.

Эх, хорошо шагать в ногу со временем. Молодец все -таки «Монгол». Недаром он занимает должность зав. кафедрой.

- Показываю упражнение! – громко произносит подполковник Курмаев с еле заметным азиатским акцентом.

Резкий толчок двумя палками, и все тело зав. кафедрой устремляется вперед, вдоль строя. Сначала на левой ноге, потом на правой, опять толчок двумя палками. Финский пластик со свистом режет утоптаный снег. Доехав до конца строя, «Монгол» лихо тормозит «плугом», затем упирается палками в снег и прыжком разворачивается на 180 градусов. И опять вдоль строя, с «финским» свистом, раскачиваясь из стороны в сторону, несется в другой конец.

Вот так же наверное в Древнем Риме, пред решающей битвой на глазах своих центурионов, Цезарь скакал на белом коне, приказывая не шадить никого в бою, ни врага ни себя ради победы.

Мы, затаив дыхание с восторгом смотрели на нашего Цезаря, как те легионеры, жившие до нас и до нашей эры.

И вдруг.

Корешок.

Маленький такой, из под снега еле заметный.

И на него натывается финский пластик.

И «Монгол», наш зав. кафедрой, наш «Цезарь», «щучкой», с грохотом, падает на землю.

Да как падает. Плашкой и по инерции пролетает еще метра 3—4, делая при этом неприличные волнообразные движения всем телом, как будто он у нас преподавал не физ. подготовку, а что то связанное с эротикой.

При всем нашем уважении к товарищу подполковнику,

весь строй разом грохнул от смеха, безучастным не остался никто.

«Монгол» поднялся, не спеша отряхнулся и молча стал обводить строй взглядом.

Когда смешно и можно смеяться в полный голос, не всегда и засмеешься, улыбнешься и все. А вот когда нельзя... вот тут уж извините. Весь строй, потупив глаза в землю, тряся, вздрагивал, глотал смех. И ничего, никто не мог с собой поделать. Это безобразие прервала команда «Монгола»:

– Смирно! Тема занятия меняется. Коньковый ход отставить.

– Новая тема занятия:

– Спуск с горы на неподготовленной дистанции.

На лыжах мы подошли к краю откоса и ахнули: далеко-далеко внизу виднелась великая русская река, слева от нас метрах в трехстах слаломская трасса.

Утоптаный снег, флажочки какие -то и люди на соответствующих лыжах с хорошей профессиональной подготовкой. А у нас вместо флажков кусты и деревья и снега —«вообще вам по пояс будет».

Команда «Монгола» :

– Вперед!

– Эх, мамочка, роди меня обратно.

Видели картину «Переход Суворова через Альпы»?

Так вот один в один, Суворова только не было с нами.

Час мы барахтались в снегу, « спускаясь к Великой ре-

ке», очищая откос от снега до прошлогодней травы. Наломали лыж,

Колька Хохлов вообще одну лыжу потерял. Искал, искал, так и не нашел. А потом целый час. Лыжи «НА- плечо!» Маршировали в гору. Вспоминали падение «Монгола» и уже не стесняясь, громко ржали.

А вот если- бы не ржали, то коньковый ход отработали и сухими на следующее занятие пошли бы.

Армия – огромная масса людей, находящаяся во власти амбиций своих командиров.

Но армия это только один из институтов государства, а этих институтов в государстве до хрена. И государств в мире тоже до хрена.

Что же получается?

Что вся цивилизация зависит от амбиций властьдержущих?

О чем я? А, о лыжах.

Коньковый ход.

Господа юнкера, кем вы были...

Мы уже не курсанты, мы сдали «госы», но еще не офицеры, мы не получили лейтенантскую форму – мы на карантине. Нет, мы не больны, напротив, полны здоровья, сил, оптимизма, планов на всю предстоящую офицерскую жизнь. Мы рвемся в бой, вперед, в будущее.

Училище, которому отдано 4 года учебы – позади. Мы знаем его каждый уголок, каждого преподавателя, каждого офицера своей и не своей батареи, знаем, где лучше перемахнуть через забор, уходя в самоволку, чтоб не попасться дежурному офицеру.

Мы знаем об училище все!

Добрая половина училищных офицеров никогда не была «в войсках». После окончания училища остались в нем самом, дослужившись до майоров и даже до полковников, и имеют об армии неплохие теоретические знания, которые они успешно и донесли до нас за 4 года нашего обучения.

МЫ ЗНАЕМ ОБ АРМИИ ВСЕ!

– Ваше оружие, курсант, -спрашивает преподаватель на огневой подготовке. Ты лихо подкидываешь в воздух карабин который стоит возле твоей правой ноги, ловишь его на уровне своей груди, в одно касание разворачиваешь при-

цельной планкой от себя, на вытянутой руке протягиваешь преподавателю и четко выговариваешь,:

– СКС боевой незаряженный ЛН-2978!

При этом орешь так, как – будто человек, к которому ты обращаешься, находится от тебя не на расстоянии вытянутой руки, а дальше, намного дальше, за несколько километров, в другом городе.

А уставы, это же целая наука,

Вам и в голову не придет, где и в какой области бытия искать ответ на вопрос, – «УГ и КС 172»..??

Нет, нет, это не зашифрованный Шекспир со своим вечным «To be, or not to be, that is the question»..

Представьте на секунду, что офицер, у которого каждое слово в багаже и так на вес золота, кроме слов повседневного пользования, которых не жалко тратить, вдруг спросит вас:

– Ответьте мне, товарищ курсант, из Устава гарнизонной и караульной службы статью номер 172 наизусть.

Все! Это полный развал Советской Армии. Тут же рой вопросов, брожение в умах у огромной миллионной массы в «хаки».

Что значит «ответьте мне»,

– Ты же начальник, а я, «миллион в хаки» – дурак, ты спрашиваешь, приказываешь, а я отвечаю, выполняю и оправдываюсь.

Что значит; – «статья номер 172»?

Это вообще глупо, каждому школьнику известно -если

Устав – значит – статья, не нравиться статья из УГ и КС, полюбишь из УК РСФСР, который с 14 лет практически знают многие, теоретически – почти все.

А номер – вот умора! Да у нас с детсада приучают строиться по номерам, а в «непобедимой и легендарной», которая по-пластунски только пол-Европы покорила, а ведь были страны и в полный рост: Ангола, Конго, Корея, Вьетнам, Сирия, и пр. и пр., так вот вы где-нибудь видели или может, слышали у самого живучего в мире танка, у самого быстрого в мире вертолета, у самого вертикального в мире самолета позывной – «голубая лагуна», «яркая звезда»?

Да они в природе, эти названия, существуют только у этих, у загнивающих. А у нас все реально – и позывные тоже реальные – «борт 66 ответьте, база 666 вызывает».

Вот и мы все на карантине и под номерами, согласно списка вечерней проверки, но нас это нисколько не смущает, так положено в армии, в настоящей армии, она там, в голубых просторах, за этим училищным зелёным забором – манящая, свободная, чуть-чуть пугающая, но совершенно другая армия.

Ни тебе нарядов по кухне, ни караулов, ни гауптвахты – я за время обучения в училище умудрился побывать на гауптвахте 5 раз -3,5,7,10 суток и один раз -нас патруль с Юркой забрал.

Выпили мы сильно в увольнении и уселись на лавочке в скверике, чтоб отдохнуть и придти в училище трезвыми.

По уставу военнoслужашему срoчной службы употреблять спиртные напитки запрещено, а устав мы читали.

Но кто-же знал, что в доме напротив скверика жил военный комендант гарнизона, он нас в окошечко и узрел. Приехал патруль, Юрка сопротивляться не стал, он вообще только в комендатуре проснулся, а я вступил в неравную схватку с патрулем, убежать и бросить товарища я не мог, да и не бегают люди в таком состоянии вообще-то.

До утра, пока нас не забрал комбат, мы просидели с Юркой в одной камере.

А караулы – это же песня, стоишь на посту, зима, холодно, ночь, охраняешь этот чертов свинарник.

Тишина, темнота, никого, только полная голова мыслей:
«На хрена я в военное училище пошел, вон, все друзья в институты подались, сейчас вино пьют, с девчонками веселятся.»

Надоест самобичевание, снимаешь карабин с плеча, (по уставу в ночное время оружие должно носиться в положении для стрельбы стоя), но кто же его будет носить, если тебя никто не видит, и начинаешь охоту на крыс, их полно на армейском свинарнике, начиная от нач. прода, нач. столовой, вездесущих прапорщиков и заканчивая серыми зверьками и хотя «первые» наносят армии более ощутимый вред, охота разрешена, понятно, только на последних.

В уставе есть статья, в которой говорится: «... часовой

должен умело действовать штыком и прикладом», вот и отработываешь эту статью практически.

Набегаешься, вспотеешь, штук 5—6 крыс штыком проткнешь, сложишь их трупики в рядок и чувствуешь себя героем – это не в детстве в деревне на свинарнике, да еще палкой с привязанным на конце гвоздем, а это на вверенном тебе боевом посту, да еще что-ни на есть настоящим оружием, заряженным боевыми патронами образца 1943 года.

Пост сдаем, считаем, смеёмся:

«Защитники Отечества, едрить твою в кандибобель!»

И опять забытый, один на всем белом свете.

Стоп. Какая-то тень. Вскидываю карабин и ору что есть мочи:

– Стой, кто идет? Голос из темноты отвечает:

– Разводящий с проверяющим.

Думаю: «Черт бы вас побрал, хорошо хоть за ловлей крыс не застали, Командую:

– Разводящий ко мне, остальные на месте.

Подходит Мишка Панин, сержант, мой «ком. от», всегда важный и слегка надменный. Отец у него полковник большая шишка в Подмоскowie, так что Мишка в своем поведении не виноват, ему надо поддерживать статус «ну настоящий полковника сын».

– Кого привел? -спрашиваю я Мишку.

– Дежурного по училищу, – отвечает он.

Фигня, сегодня полковник Казымов дежурным, сейчас

начнутся шутки-прибаутки в лучших традициях Советской Армии и предупреждение, что: «главное на посту- это не охрана и оборона, а не баловаться с оружием», -думаю я и командую в темноту

– «Продолжить движение!».

Подходит полковник Казымов, рожа недовольная – запах не нравится.

– Первый вопрос, часовой, почему у тебя на посту такая вонь?»

– Свиньи, товарищ полковник!» – кричу я, вытянувшись по стойке смирно.

– Неправильно. Свиньи, как и полковники которые не на дежурстве, как я, ночью что? Отдыхают, – спросил и ответил он.

– А воздух это ты саонизировал при виде полковника, часовой, вот так!» И он негромко рассмеялся.

Чтобы научиться понимать эти шутки, надо в армии прослужить лет 15, а так тонко шутить могли только офицеры, начиная с подполковника.

Во весь голос заржал Мишка, шутку он понял, она ему понравилась. Он ведь потомственный военный, воспитанный на шутках с пеленок.

Мне было не смешно.

– Ладно, уже серьезно – неси службу как положено! Обращаю особое внимание на порядок применения оружия – десять раз спроси, а потом применяй, а лучше не применяй,

не в Америке находимся, понял?

– Так точно товарищ полковник! – бодро ответил я.

Ушли. А я остался на посту один со свиньями, крысами и со своими мыслями.

– Вот закончу училище, получу лейтенантские звезды, буду хоть небольшим поначалу, но командиром. Не надо будет в караул этот «вонючий» ходить пол дурацкий по субботам стеклышком шкрябать, а потом натирать его мастикой, да и много чего будет не надо». И приободренный своей безоблачной будущей жизнью я подхватил карабин «На – плечо», распугивая крыс и мешая сладкому сну свиней, которые, как и полковники, по ночам отдыхают, принялся печатать парадный шаг.

Романтика и выправка – вот что привлекает пацанов поступать в военное училище, а рекламным щитом и главным агитпунктом Советской Армии были, есть и будут парады. Танки, ракеты в едином, монолитном строю четко чеканят шаг войны. Глаз любит у подвыпивших колхозников, рабочих и «жидоватой прослойки», когда на площадь выкатывает вся мощь Великой державы.

Да, парады мы запомнили на всю жизнь.

ПАРАД – когда за два месяца до торжественного прохождения нас поднимают в 4.45 вместо 7.00, как положено согласно распорядка дня. Мы быстро одеваемся, умываем-

ся и в 5.00 на плацу. Там уже курит комбат- капитан Малов, высокий, интересный мужчина, широченные плечи, атлетически сложенная фигура, мастер спорта по плаванию по прозвищу «весло». Из-за больших надбровных дуг и мохнатых бровей лицо кажется свирепым, разговаривает и своим сверлящим, немигающим взглядом смотрит прямо в глаза. От этого становится как-то не по себе. Всегда очень строг и требователен и, никогда ни кому, не дает поблажки.

Мы все его боимся, а значит уважаем.

– Батарея, разойдись, ко мне в колонну по 8 становись! – звучит ГРОМ в утренних сумерках.

Это голос нашего комбата. Какой-бы шум не стоял, кто-бы не командовал, но ЭТОТ ГОЛОС мы услышим и сделаем, так как он нам прикажет.

Согласно устава: «... военнослужащий должен знать свое место в строю, быстро и без суеты занять его», что мы и делаем, потолкавшись несколько секунд, замираем как вкопанные.

«КОРОБКА» готова. С двух сторон как боевое охранение, как конвой, как сторожевые псы стоят командиры взводов, готовые по команде комбата броситься на любого из нас и разорвать в клочья.

- Прохождение ПО-ШЕРЕНОЖНО дистанция 10 шагов,
- Первая шеренга —АРШ!, -гремит комбат.

Первая шеренга застучала по плацу каблуками.

Я, так – же как и все, марширую на месте, но при этом судорожно считаю шаги первой шеренги, потому что первой шеренге команду подает комбат, остальным правофланговые.

Я – правофланговый во второй, не в 3-й, не в 5-й, а во 2-й и сразу после громового голоса комбата вся батарея должна слышать мой голос, вся шеренга по моей команде должна рвануться вперед по моему трубному призыву, по моему реву.

Вот, наконец, первая шеренга в десятый раз ударила каблуком по плацу, и я скомандовал:

«ПРЯМО!»

Моя команда прозвучала как-то тихо и жалобно после властного громоподобного комбата мой голос звучал, как крик о помощи.

Это если на один ринг против боксера супер тяжеловеса выйдет боксер наилегчайшего веса. Разница будет разительной, тоже вроде бы боксер, но не гигант.

– Нога 20—25, рука до «конца» назад.

Не фига, иногда думаешь, до «конца» назад, расстояние между шеренгами, сам сказал, 10 метров, что ж у меня руки 10 метров или... ну такого вообще не бывает.

– Смирно, равнение направо!

– Равнение, равнение, правофланговый, подбородок вперед, а не челюсть, затылок лежит на воротнике шинели!

Правофланговый – это я.

У остальных срез подбородка смотрит на уровень 4-го этажа.

У нас учебный корпус 4-х этажный, был бы 5-ти, подбородок смотрел бы наверное на пятый, интересно, кто придумал этот срез подбородка? Врачи?

Нет, Бог, – он создатель.

– Что за сонные тетери!

Конечно сонные, время 5 утра.

– Вы что раненые мухи!

Ага, подключился Красильников, в недавнем прошлом помощник по комсомолу дивизиона, снятый за пьянку в комвзвода, он не стесняется в выражениях, вот мы уже «кастрированные мухи», а вот мы уже и «ёб... е мухи».

Команда комбата: «Стой, строевой шаг по разделениям на 4 счета!»

– Делай раз!

Левая нога прямая в колене выносится вперед на высоту 20—25 см от земли, левая рука прямая в локте до отказа назад, правая рука согнута в локте, кулак на уровне бляхи поясного ремня, так стоим минуту, две, три.

– Вы что, овса не ели! – орет над ухом «Красный». Это кликуха у Красильникова, у него рожа постоянно красная, может конституция такая у человека, а может, потому что

у него в жизни 2 состояния или пьяный или с похмелья.

Нет, дорогой командир взвода, тут ты не прав, овса мы уже съели столько, что нам лошадям в глаза стыдно смотреть.

– Делай два.

Привстаем на носок правой ноги, а левой со всей дури лупим по плацу: «на, чтоб ты рухнул».

– Делай три.

И опять правая нога....

Стоим 2, 3, 5 минут. Теряю равновесие и касаюсь плаца правой ногой, быстро поднимаю ногу, но око комбата не дремлет.

– Пенкевич, лейтенант Пенкевич, -«кандидат на индивидуальную подготовку» – гремит комбат.

Лейтенант Пенкевич. Мы поступили в училище, он его только что закончил, молодой, подающий надежды лейтенант. Длинный, тощий, в житейских проблемах, в элементарных бытовых вопросах как ребенок, кличка «деревянный» или просто «пень».

Все уже маршируют по – шереножно, а я все делаю по – разделениям раз, два, под руководством «пня».

Ему 22, но хочется выглядеть старше и суровее, поэтому он наклоняет голову вниз, сдвигает брови и пытается выдавить бас, со стороны это смотрелось очень смешно тогда, а через время прожитых лет просто глупо, как говорил «Красный»:

«Сколько волка не корми, а у слона яйца больше».

И так было изо дня в день, утром строевая, после занятий строевая, после самоподготовки строевая до ужина, после ужина строевая до отбоя, каждый день.

- По разделениям делай раз, два.
- Прохождение по-шереножно.
- По 4-е шеренги.
- Батарея смирно, равнение направо.

И вот долгожданный праздник, праздник для всех трудящихся и конечно парад войск (силу надо демонстрировать).

Торжественная минута наступила. Толпы народа, цветы, улыбки, флаги, транспаранты.

Трибуна до отказа забита генералами в парадной форме и гражданскими людьми в шляпах, в зимних дорогих шапках с красными бантами, приколотыми к строгим, черным пальто. Мы стоим, и нас охватывает волнение, нет, мы не боимся ошибиться, сбиться с ноги, мы автоматы, мы роботы, мы отработали тысячу, десять тысяч раз нас охватывает волнение от торжественности, окружающей нас минуты.

– Шагом марш!

Летит голос с трибуны над всей площадью, над всем городом, над всей страной, над нашей любимой необъятной Родиной СССР, защитниками которой мы выбрали себе нелегкую, но почетную профессию.

Наша «коробка» зашагала перед трибунами. Грохот сапог,

отточенные, четкие движения. Нет, это не сто человек шагает левой, правой, это монолит, глыба, сила, готовая сместь всех империалистов на своем пути: «бойся, враг, замри и ляг». Это отлаженный механизм, это армия, способная защитить интересы не только своей страны, не только варшавского договора, но и любого кто хоть подаст голос, «...вы нам только шепните мы на помощь придем» – будь то Куба, Египет, Ангола, Афганистан или Вьетнам.

Потом это будет Грузия, Армения, Азербайджан, Молдавия и многострадальная Чечня, показавшая всю слабость и продажность Советской Армии.

А пока мы сила.

Парад, к которому готовились так долго и нудно, закончился так быстро, но в душе осталось ощущение торжественности и завершения очень большого дела, а какого, черт его знает.

Все в этой жизни когда-нибудь заканчивается.

И наконец-то мечта, которая снилась каждому курсанту не по одному десятку, а может и сотне раз, сбылась.

Мы получили лейтенантские звезды, нам выдали удостоверения личности офицера, проездные документы до места распределения.

Такое очень редко бывает, особенно в нашей великой,

многострадальной и могучей стране, что у огромного количества людей в один день, в один час их заветная мечта сбылась.

Я лейтенант, мне 21 год, мне выдали 450 рублей на руки, я больше стольника «своего» в жизни в руках не держал.

На первом курсе «получка» :– 3руб.80коп. в месяц.

На 2 м -8руб.30коп.

На 3 м -17руб.

На 4 м -17руб. Из-за пошива формы.

У меня мама получала 160р. всю жизнь преподаватель в университете. Отец -180р. всю жизнь инженер в институте.

А я лейтенант, мне 21 год, я иду и руки у меня в карманах, а в кармане 450 рублей.

А навстречу мне «дедушка» Советской Армии не стриженный, в расстегнутой гимнастерке, пилотка на затылке, ремень опущен, вдруг он заправился, поправил пилотку, застегнулся, я, глянув на него, невольно вытащил руки из карманов и оглянулся, сработал годами отлаженный курсантский инстинкт, но никого вокруг из начальства не было.

Вдруг этот «дедушка» Советской Армии переходит на строевой шаг с отдаванием воинской чести.

У курсантов в увольнении вообще считалось «западло» отдавать честь офицерам ниже майора, если они не в патруле, конечно.

– Ну вот, подумал я, это я еще лейтенант, да я вообще 2 часа назад одел эту форму, а уже какие почести, а что бу-

дет потом, когда я буду капитаном, майором, полковником, генералом, наконец.

Мне пришлось, как положено, отдать воинскую честь бойцу. Тот остановился и заулыбался. Я недоуменно смотрел на бойца минуту, а он стоял и улыбался мне.

И тут я вспомнил! В каждом училище есть свои неписанные законы, не знаю как в других, а у нас было так, в тот день, когда ты надел лейтенантскую форму, любому отдавшему тебе честь солдату ты обязан выдать рубль.

Порылся в карманах и с досадой протянул ему рубль, тот заулыбался еще шире, сдвинул пилотку как положено «дедушке» Советской Армии, расстегнул крючок на гимнастёрке, повернулся и пошел походкой «дедушки» Советской Армии.

В тот день вокруг нашей казармы, «казармы с выпускниками» стояло столько образцовых солдат из дивизиона обеспечения, сколько я за четыре года обучения не видел.

На КПП 1-м и 2-м, естественно, дежурили старослужащие, на них, наверное, и пришелся основной «вал» рублей.

На следующий день все бойцы исчезли, никто уже не хотел с таким рвением, как вчера, отдавать честь молодым, еще совсем зеленым лейтенантам. «Западло».

В этот день у вечного огня в Кремле у нас состоялся выпуск.

Мы, начищенные и наглаженные, выходили из строя, прощались со знаменем училища, нам вручали нагрудные знаки и дипломы об окончании, мы принимали поздравления от своих начальников и громко выкрикивали, что служим, а служили мы тогда русские, белорусы, украинцы, прибалты, кавказцы одному Отечеству – Союзу Советских Социалистических Республик.

Июль 1985 года, из Москвы пятнышком с головы медленно, но верно по всей нашей могучей Родине растекалась зловещая перестройка.

Мы не знали тогда что нас ждет впереди, а впереди нас ждала жизнь со своими изменениями и крутыми поворотами, с гибелью товарищей, смертью близких, но никакая смерть нас тогда не страшила, мы делали первый шаг в самостоятельную жизнь, мы были вечны, потому что были молоды!

Дед Мороз

Для военных, живущих вдали от привычной (даже для СССР) цивилизации, в маленьких гарнизонах, разбросанных по бескрайней нашей матери-Родине, все праздники сводятся к одному – «рядовой пьянке».

Ну чем, спросите Вы, 1 Мая, День солидарности всех трудящихся, отличается от присвоения очередного воинского звания Вашему другу или 7 ноября, N-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции, от получения очередного отпуска за предыдущий год? Отвечаю: звания и отпуска ждать дольше.

Новый Год – обычный праздник, «рядовая пьянка», обычный, да необычный.

Бойцы начинают чаще заглядывать в календари, считая дни до дембеля, офицеры – годы до пенсии и очередного звания, если не «карьеристы» конечно.

Еще в Клину на «стаже» (воинская стажировка) нам, «без пяти минут» выпускникам военного училища, встретился сорокалетний лейтенант. Он объяснил нам, завтрашним лейтенантам, как нужно служить, чтобы достичь высот служебной лестницы.

Мы этот урок запомнили надолго, кто-то дослужился до майора, а кто-то и до генерала, а вот кличка, как нам показалось тогда, у него была забавная – «Карьерист».

Итак, Новый год. У офицеров нет никаких сомнений, как, каким образом его провести, никаких новшеств – все по-старому, несмотря на Перестройку, расплзающуюся по стране и по всей Европе.

Но что же делать с детьми – с офицерскими детьми, с этими заложниками обстоятельств, с детьми, отрезанными от всего мира, в лесу со своими родителями? Родителей не выбирают.

Эти дети чувствуют себя намного уютнее среди вооруженных солдат в бескрайних лесах и степях, чем среди красочно одетой и праздно прогуливающейся публики где-нибудь на Арбате.

Эти дети ждут настоящего праздника, ждут Деда Мороза, ждут Снегурочку, ждут Настоящего Волшебства.

И вот он наступил, долгожданный 1986 год...

1 января, я, лейтенант в наряде, дежурный по части (первые 2 года после училища все праздники мои – неписанный закон армии – «дедовщина по-офицерски») и не делаю из этого большой трагедии.

9.30 утра, дивизион в «постоянной» готовности, не на боевом дежурстве, техника вся опечатана, бойцы – кто у телевизора, кто в спорт-кубрике тягает железо, а кто просто курит на крылечке возле казармы – другими словами, для невоенных и не служивших, как на картине Айвазовского «Штиль» (если есть такая) – все при деле.

Через 30 минут у меня отбой, я всю ночь бодрствовал,

как и положено дежурному по части с моим сроком выслуги, и сейчас нахожусь в сладостном предвкушении этого события. (С 10.00 до 14.00 согласно распорядка дня, у дежурного по части отдых, т.е. сон).

Вдруг распахнулась дверь и в казарму ворвались клубы морозного воздуха и пять женщин, жен офицеров, непривычно для нашей обстановки наряженных и торжественно взволнованных.

Увидев меня, зевающего возле дежурки, они «клином» стали приближаться ко мне и, перебивая друг друга загалдели:

– Ой, как хорошо, что ты здесь!

– Старшину уже подняли, он сейчас придет!

– Пусть приходит, мне-то что, – равнодушно ответил я.

– Мы сейчас будем проводить праздник для детей.

– Новый год ведь, ты что, забыл?

– Ничего я не забыл, проводите, я в наряде, мне все равно, – и я демонстративно зевнул.

Вперед шагнула жена командира и тоном, не терпящим никаких возражений, отчеканила:

– Для тебя наряд временно отменяется, будешь у нас Дедом Морозом!

Я вдруг понял, что событие, которого я ждал всю ночь, отважно борясь со сном, находится на грани срыва и бросился в атаку за свои законные 4 часа отдыха.

Приплел боевое дежурство, вспомнил училищный плакат

«ПВО – надежный щит неба Родины».

Но все мои доводы оказались неубедительными, когда в клубящемся морозном воздухе выросла объемная фигура старшины дивизиона.

СПРАВКА.

СТАРШИНА ДИВИЗИОНА.

(звание, рост, возраст, комплекция, национальность, идейные убеждения, смысл жизни) —

старший прапорщик, средний, неопределенный от 30 до 45 лет, упитан, хохол, «хочу чтобы было», «хочу, чтобы было много». Энергичный, румяный, постоянно в движении, в глазах блеск от пылающего внутри огня, руки постоянно заняты ношей, всегда в легком подпитии, голос слышен за три километра.

Сейчас старшина представлял собой страшное зрелище. Совершенно потухший взгляд (видимо огонь внутри потух или его залили), серого цвета лицо, как будто его подняли не из постели, а прямо из могилы для съемок фильма «Зловещие мертвецы».

Без обычного шумного приветствия, со множеством подковырок, он еле слышно простонал:

– Неси шинель.

И, с трудом переставляя ноги, поплелся к себе в каптерку.

Пока женщины провожали взглядами «мертвое тело» старшины, я понял: -битва мною проиграна. Если уж они «труп» старшины из постели достали и заставили его ходить,

что уж говорить о моем сне.

Пауза кончилась быстро.

Галя Орлова, жена командира, сунула мне в руки мятый листок бумаги и гордо объявила:

«-Это сценарий!».

Все женщины загалдели разом. Они стали доставать из сумок подарки и складывать их на стол в «дежурке», причем каждая дергала меня за рукав кителя.

– Коля, это моему отдашь.

– Это, с медвежонком, – моей.

Я кивал головой, продолжая зевать, а в это время Галя Орлова читала мне сценарий.

Когда она дошла до слов «Дед Мороз и Снегурочка заходят», одна из женщин спросила,

– А кто будет Снегурочкой?

Я оценивающе оглядел присутствующих женщин и, уже на правах Деда Мороза, басом спросил:

– Ну, кто у меня Снегурочкой будет?

– Нет, ты что, нас дети сразу же узнают, скажут – Снегурочка не настоящая.

– Весь праздник детям испортим!!!

– Коля, быстро кого-нибудь из бойцов – скомандовала Галя Орлова.

Возле тумбочки дневального, у меня в наряде, стоял Са-

лимов, молодой боец, казах по национальности, еле-еле «ворочавший» по русски.

– Ставь второго дневального на тумбочку, сам ко мне –, скомандовал я.

Он подошел. Женщины, перекрикивая друг друга, бросились объяснять ему суть дела. Салимов стоял по стойке «смирно», покорно опустив глаза вниз, лишь изредка их поднимал и как-то виновато улыбался. Видно было, что он ни хрена не понимает, что от него хотят.

– Ты будешь Снегурочкой.

– Мы на тебя оденем синее платье.

– Хоровод вокруг елочки с детишками и товарищем лейтенантом – Дедом Морозом поводите.

– Одно стихотворение детям расскажешь.

Салимов улыбался еще минут пять, потом вскинул голову, обводя окруживших его женщин взглядом Чингис-хана, отправляющего свое «иго» на Русь.

Женщины замерли.

– Женщином я что-ли буду? – наконец произнес он.

Я подленько хихикнул. Жена командира снисходительно улыбнулась и, поменяв тон с командного на нравоучительно-сюсюкающий, попыталась призвать его к послушанию, как будто перед ней стоял не 19-ти летний защитник Отечества, а ее четырехлетний сын.

Не тут-то было. Салимов со зверской гримасой на лице заорал, чуть ли не тыкая каждую женщину в лицо пальцем:

– Зачем ты не Снегурка? Зачем ты не Снегурка?

Я вмешался, но на все увещевания женщин и мои угрозы административного порядка плюс короткий аперкот правой в печень, Салимов платье одевать отказался.

– Дай пять нарядов – женщином не буду!

– Мусульманин, коран, люди скажут «шайтан» – женщином- не буду, -твердил он.

Орлова с барского плеча пообещала ему лично килограмм шоколадных конфет.

Салимов на полсекунды замер и в знак протеста резко мотнул головой.

Да, Велик Аллах и Магомед, его пророк, ни первого, ни второго, а уж тем более Салимова за 30 серебрянников не купишь, а уж про шоколад и говорить нечего.

Одна из женщин предложила халат. Салимов затих и как-то загадочно прищурился, видимо представляя себя баем или султаном (чтобы приблизить читателя к современности – Нурсултаном Назарбаевым).

На халат он согласился.

Кто-то сбегал домой за халатом, длинным и непонятной расцветки.

Из каптерки вышел старшина со своим «халдеем» —каптером.

Здоровье у старшины заметно улучшилось. Они вынесли наряд Деда Мороза. Это была солдатская шинель, с по-

мощью булавок обтянута сверху красной материей, снятой из Ленинской комнаты. Поверх материи болтались лоскутки грязно-серого цвета, натканные в хаотическом порядке на те же булавки, очевидно символизирующие снег.

Женщины аккуратно помогли мне надеть шинель, замуфлированную под наряд Деда Мороза.

Тут каптер мне на ухо шепнул, как военную тайну, что трусы, которые они со старшиной разорвали для лоскутков, чистые, после стирки и чтобы я не беспокоился.

Моя шапка представляла собой тот же камуфляж. Волосы для меня и Снегурочки-Салимова были изготовлены из армейских лыковых мочалок.

СПРАВКА.

АРМЕЙСКАЯ МОЧАЛКА – это лыко (обдирка с липы), несколько слоев лыка связаны с двух концов. Длина около 50-ти сантиметров.

Старшина с каптером связали примерно по 10 мочалок, предварительно развязав каждую с одной стороны. Получились «чудесные волосы». Нам позавидовало бы любое огородное пугало. У одной мочалки конец не был развязан. Я просунул в нее голову и получилась борода. Немного шайтанская, но борода.

Нас поставли рядом.

Дед Мороз и Снегурочка.

И сказка началась

Кто-то откровенно засмеялся, жена начальника штаба закрыла лицо руками, отвернулась от нас и начала трястись всем телом. Невозмутимой оставалась только жена командира.

Каптер принес вещмешок, в который женщины и сложили подарки для детей.

– Идите, посмотрите на себя в зеркало, по-моему отлично получилось, – сказала Орлова.

– Подождите секундочку, – она извлекла из кармана губную помаду фиолетового цвета и быстрыми движениями наредила нам с Салимовым щеки, а мне вдобавок и нос.

У женщин опять началась истерика и, чтобы избежать «Орловского» гнева, они похватили свои шубы и выскочили на улицу.

Старшина и каптер, до этого с безразличием наблюдавшие за происходившим, вдруг сложились пополам и с диким хохотом, переходящим в завывания, уселись на корточки.

Мы двинулись. Дневальный, находившийся возле тумбочки, – тоже молодой боец и тоже из нерусских – увидев нас, сделал абсолютно круглые глаза. Он был уверен, что дежурный по части уже давно отдыхает, а Салимов, как дневальный свободной смены, был где-то «запахан» на работы.

Такого, что предстало перед ним, он предвидеть не мог.

Он продолжал молча смотреть на нас, причем на Салимова с сочувствием, а на меня с гневным укором, пока за нашими спинами не появилась жена командира. Тут он видимо решил, что молчать ему больше нельзя, несмотря на близкие национальные отношения с Салимовым, иначе могут подумать, что и он причастен к этому безобразию, и во все горло, как предписывал устав, заорал:

– «Дежурный по роте на выход!», – и, чтобы полностью оградить себя от возможных неприятностей, он приложил руку к головному убору и отдал воинскую честь Орловой, хотя она даже и не военнообязанная.

Я смотрел на наши отражения в зеркале и думал, что людей с такой внешностью мне не раз приходилось видеть на вокзалах и автостанциях. Они были с такими же лицами, такими же спутанными волосами, в поношенной военной форме и непременно называли себя бывшими «полковниками».

Увидев меня и Салимова в сопровождении командирской жены, бойцы побросали все свои «дела» и бросились со всех ног к нам. История с дневальным повторилась, только была уже помножена на плотно окружившую нас толпу солдат. Все сочувственно смотрели на Салимова, и издевательски на меня и изредка бросали опасливые взгляды на Орлову, как будто она была злобной конвойной овчаркой, способной порвать на мелкие куски не только арестованных, но и со-

вершенно невинных людей.

Толпа – вещь непредсказуемая. Стали высказываться гипотезы, строиться предположения, как всегда нашлись очевидцы, которые с точностью до минуты могли рассказать, что и когда произошло. В общем ропоте нарастал и общий вопрос:

– «Что же все-таки произошло?».

И тут Галя Орлова одной фразой отбросила все гипотезы и оставила рассказчиков – «очевидцев» без работы.

Все просто:

лейтенант – Дед Мороз, Салимов – Снегурочка, это для детишек в Новый Год.

Паузы не было, общий хохот, нет, взрыв хохота всколыхнул стены казармы, под его раскаты мы и зашли в каптерку. Орлова опять сунула нам в руки «сценарии».

– Торопитесь, учите, детей приведут в ленкомнату через 15 минут.

«Здравствуйте, дети, вот и я. С Новым Годом вас, друзья ...!»

– Коля, не так. Побольше баса в голосе и ходи враскачку, – учила меня Орлова.

Еще раз попробовали – нормально.

С Салимовым же дела обстояли совсем плохо. Галя выбо-

гала из каптерки, где репетировали, прибежала, заставляла Салимова повторять еще и еще раз, ругалась, орала и опять убегала.

Мне было жалко Салимова и интересно: как бы она сыграла Снегурочку, на казахском – будь она в Казахстане.

Когда дети с мамами уже собрались в ленкомнате, Галя убежала в каптерку еще раз «порепетировать» и пришла к выводу, что Снегурочка будет молчать, но широко улыбаться.

В последний момент вспомнили про посох – ну какой же Дед Мороз без посоха.

Каптер послал дневального в «умывальник» и тот принес швабру.

Хотели быстро отпилить нижний широкий конец, но старшина вцепился в швабру, как в родную и сказал:

«Давайте просто перевернем».

И перевернули – широкий конец вверх, узкий – вниз.

Украшать, ввиду отсутствия времени, не стали.

И вот мы стоим перед закрытой дверью ленкомнаты и слегка нервничаем – не каждый день приходится перевоплощаться из боевого офицера в сказочного Деда Мороза, да еще и во время положенного отдыха.

А за дверью слышим дружный детский крик:

– Сне-гу-рочка! Де-ду-шка Мо-роз!.

Это мамы со своими детками нас зовут.

Детям по 2—3 года, только Владiku Орлову четыре. На третий призыв я широко распахиваю дверь, стучу шваброй по полу и, как учили, иду враскачку, побольше ба-са в голосе:

«Здравствуйте, дети, вот и я...».

Больше я сказать не успел ни слова. Дети заплакали, бросились к мамам на руки, общий крик ужаса пронесся по ленкомнате.

Мамы, в порыве панического страха, прижали детей к себе и тоже невольно закричали.

Жена командира замахала на нас рукой и, стараясь перерорать гвалт и вой, скомандовала:

«Переодевайтесь, черт с вами!»...

У дверей собралась толпа бойцов, услышав такую реакцию детей. Началась вторая серия смехоприпадка.

Сняв с себя «детопугающие костюмы» и смыв «макияж» с лица, я подхватил вещмешок с подарками и опять вошел в ленкомнату.

На этот раз дети мне обрадовались, прекратили плакать, ведь пришел дядя в привычной и родной, как у папы, форме, он-то уж точно защитит их от этих чудовищ – Деда Мороза и Снегурочки.

Мы целый час водили хоровод вокруг елочки, веселились и смеялись, а в конце Галя Орлова сказала:

«-Дети, давайте посмотрим, какие подарки нам принес Дед Мороз.» При имени «Дед Мороз» дети притихли, с опаской оглянулись на дверь, прижались к мамам.

Кто-то заплакал, вспоминая пережитый ужас.

В 14.00 представление для детей и взрослых было закончено. Закончилось и время отведенное для моего отдыха.

Праздник удался.

Через полгода Салимов трагически погиб. А за мной, пока я не перевелся в другой дивизион, прочно закрепилась кличка

– Дед Мороз.

Любовь и сникерс

*Кесарево кесарю, а Божие Богу.
(св. п. от Марка 12:17)*

Рождение человека это рождение нового поколения. Смена поколений каждые 40—45 лет. Ученые до сих пор не сошлись во мнениях, как земля образовалась во Вселенной.

Сунул, вынул, это понятно. Две клеточки воссоединились, но душа; вот это загадка. Рождение ребенка это всегда таинство. Душа неразрывно связана с Богом. А неизведанное всегда вызывало у людей страх и поклонение. Так что родить ребенка – это великое чудо.

Мы с женой ждали рождения ребенка месяца четыре. Нет – нет, ребенок родился нормальный, выношенный как положено девять месяцев в утробе матери.

Просто пять месяцев никаких изменений у жены не было. Ни живота, ни токсикоза. А раз ничего не беспокоит, то все мысли сводились не к сохранению плода, а к гулянкам и мирским утехам, которые может себе позволить человек, имея 20 лет от роду.

Но вот к началу 6-ого месяца вырос огромный живот.

Как это здорово, когда жена рядом беременная, с огромным животом. Сначала все смотрят естественно на жену, потом ищут глазами автора, скульптора, который слепил, изва-

ял такое. И тебя распирает от гордости. Ты зародил новую жизнь, от тебя пойдет новая ветвь генеалогического древа, прямо как в Новом Завете, прости Господи.

«Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...»

А ты идешь тут рядышком и все понимают, что у тебя все хорошо :– стоит и «впрыск» нормальный.

Но тут, как у медали, как у Луны, есть обратная сторона и она, как водится, темная.

Жена стала плакать по поводу и без повода. Все домашние дела, требующие хоть каких – то физических затрат, плавно перетекли в мои обязанности. Все бы ничего, но жена ходила за мной как старшина и придиралась.

То я пол плохо вымыл, то диван не отодвинул, пыль осталась, то ковер выбил некачественно. Да, все не так. И плакала, плакала, плакала...

Все это можно было пережить.

Я молодой лейтенант, 3 месяца в войсках после училища. За время обучения к придирам командиров всех мастей привык. Но самое страшное было то, что я был отлучен от тела. Любое мое прикосновение вызывало раздражение, – Ой, не надо! – звучала дежурная фраза. И слезы, слезы, слезы... Это я не говорю об интимае, он был полностью исключен.

Спали мы отдельно. Жене стал тесен наш диван и я, как любящий муж, как настоящий мужчина, как «Каштанка»,

спал на полу.

Я, молодой лейтенант, как уже говорил, но главное не в этом, мне 21 год и я переполнен бурлящими гормонами, я познал сладость соития с женщиной.

Мы просыпались утром с женой (до «живота») и занимались любовью, и я каждый день опаздывал на развод. В обед прибежал домой и мы сразу же предавались любовным ласкам, потом наскоро пообедали и опять ласки и опять я опаздывал на развод после обеда. И так каждый день, каждую ночь.

Уходя в наряд и сутки не видя жену-любимую, я страдал, мучился. Но, зато после наряда мы предавались любви с удвоенной силой.

И вдруг стоп. Стоп машина, поезд дальше не пойдет. А когда пойдет, завтра? Через три дня? Через неделю? Но ответа нет!

Армейский анекдот.

«Прапорщик спрашивает бойца:

– О чем ты думаешь, глядя на кучу кирпича?

– О пиз... е, тов прапорщик

– Почему?

– А я постоянно о ней думаю..»

Может кто-то и улыбнется над этой шуткой, но мне было не до смеха. Потому что для меня это был не анекдот, а суровая, правда, жизни.

С каждым днем состояние мое ухудшалось, я стал нерв-

ным и раздражительным. Офицеры постарше, кто пережил уже такое, смотрели на меня с сочувствием и пониманием. Кто-нибудь скажет вот проблема, вышел из дома, повернул «налево», а там их...

Не все лейтенанты после окончания училища получают распределение в Москву или областной центр. Почему? Потому что не у всех отцы генералы, а Родина, которую надо защищать, не из одной Москвы состоит. Точнее совсем не из Москвы состоит.

Представьте себе отдельно взятый дивизион в степях Самары. Солдаты, офицеры, их жены и дети, всего примерно 80 человек. Все это за колючей проволокой в три ряда. В пяти бараках:

Четыре ДОС (Дома офицерского состава). Один барак-казарма.

Выход за «колючку» для офицерского состава с письменного разрешения командира по выходным дням. Рапорт подается заранее, в рапорте указывается цель выхода.

Офицеры-холостяки бегали в деревню тайком, прикрывая друг друга, придумывая всяческие мыслимые и немыслимые легенды. Но им было проще, им надо было обмануть одного командира, а он, вспоминая свое холостяцкое прошлое, любил обманываться.

Но мне -же пришлось бы обманывать еще и жену.

А тут без вариантов. Она стала подозрительной и недоверчивой.

– Где был?

– Куда ходил?

Как собака на сене. Сама не дает и от себя не отпускает.

Прошло почти два месяца моего воздержания. Я смотрел на жену и вместо той веселой, жизнерадостной со спортивной фигуркой девчонки, ради которой я готов был на всякие глупости – ходить по перилам моста, залезать в окно по водосточной трубе на четвертый этаж, она превратилась в сварливую толстую тетку, с утиной походкой и как «Измаил», неприступной со всех сторон.

Я уже стал тихо ненавидеть еще не родившегося ребенка, который перекрыл мне вход в «страну удовольствий».

Не знаю, чем бы это все закончилось, если бы... если бы не **сникерс**.

Итак, все по порядку.

Каждый день, кроме выходных, из дивизиона отправлялась машина в город.

«Школьница» – так называли машину. Но не подумайте, что это большой комфортабельный автобус желтого цвета как у них там, где негры живут. Это обычный ЗИЛ -157 (именуемый в народе «колун») с деревянной будкой, с деревянными скамейками внутри и приставной лестницей к кузову. Машина отвозила детей в деревенский детский сад, в городскую школу. Водитель выполнял ряд несложных заданий ко-

мандира, затем забирали детей после уроков и домой. К машине придался «старший».

Водитель был бессменный его знали и дети и воспитатели в детском саду и учителя в школе. Он знал все базы в городе, хлебозавод и так далее. «Старшие» машин назначались из офицеров, не занятых в боевой подготовке, ездили они редко и ничего не знали в городе, из машины почти не выходили и были действительно-« старшими машины».

Но зато можно было посмотреть на цивилизацию, эдакое увольнение в город, точнее экскурсия по городу на машине.

И вот вечером, после планерки, комбат вышел и объявил мне, что я завтра «старший машины „школьницы“».

Радости моей не было предела. Ровно 20-го августа моя нога перешагнула «границу» дивизиона, а уже октябрь заканчивается, а я еще ни разу за «колючку» не выходил.

И вот экскурсия в город, какое счастье. Как говорил Ку-тузов, а может и не говорил, « Хоть одним глазком на Париж взглянуть». Конечно, не Париж, а самый обычный захолустный город российской глубинки, но хоть какая-то цивилизация.

Придя домой, я естественно, рассказал жене. А она, в свою очередь, попросила купить ей сникерс.

Нет, нет, вы не подумайте, армия на заре перестройки не голодала, ее еще любили. Это потом, когда она порубит саперными лопатами демократию в Грузии, расстреляет Бе-

лый дом из танков, с помощью «Града» превратит города Чечни в руины, распродаст новейшую технику налево и направо во время вывода Советских войск из стран Варшавского Договора. А тогда еще воен. торги работали в обычном режиме

Сгущенка -55 коп. за банку.

Говядина -1руб.80коп за кг

Свинина -1руб.90 коп за кг.

И, конечно же, шоколад фабрик: «Рот – Фронт», «Бабаевский», «Россия», – наш отечественный.. Вот только «сникерсов» не было.

Берегли армию, не кормили ее говном заморским.

Я до сих пор не понимаю, как можно жрать все заморское, а своих родных отечественных производителей «гнобить». Но, видимо, политика такая, они же ведь там наверху избранники народа, о народе заботятся.

Ровно в 7.30 машина повезла детей в детский сад, в школу, затем на хлебозавод.

Я «старший машины». Еду и в окно таращусь: кругом бабы молодые, и все в чулочках, в джинсах тоже конечно попадают, но жопами виляют все, просто загляденье.

Я как в кино попал, на эротический сеанс.

Офицерские жены собираются на лавочке, кто в шинели

мужниной, кто в «стартовке». Проходишь мимо: « здрасте, здрасте,» форма и форма.

А тут просто порнуха.

Проезжая мимо продуктового магазина, я вспомнил про сникерс, обещанный жене. Попросил водителя подождать.

Забежал в магазин. Покупателей нет, за прилавком скучающая продавщица лет двадцати пяти.

Я стал разглядывать ассортимент, выискивая заветный сникерс, но глаза мои съехали и уставились на продавщицу, я опять направил свой взгляд на полки с товаром, но глаза отказывались искать «заморское чудо», они хотели видеть продавщицу.

Вдруг ангельским голоском она произнесла:

– Мешок сахара не поможете принести со склада?

Я, дикий лесной человек, «йети», только в форме, кивнул головой. Это означало «да».

Она пошла по направлению к двери в глубине прилавка. Я обошел прилавок, и мы очутились в тускло освещенной комнате, заставленной мешками.

Продавщица прикрыла за нами дверь, прошла вперед, наклонилась и стала очень внимательно изучать ярлык на мешке. Голые ляжки и показавшиеся белые трусы из-под халата, повергли меня сначала в шок, потом все мое нутро затряслось. Я резкими движениями расстегнул шинель, ки-

тель, скинул все это и шапку прямо на пол, подскочил к ней сзади, схватил за талию, резко развернул, бросил на мешки, навалился на нее и двумя руками залез под халат, стал стягивать эти белые трусы, совершенно не отдавая себе отчета в происходящем.

Любой человек скажет – это изнасилование, а юрист добавит статья 117, часть первая.

Но продавщица взглянула на этот неприкрытый криминал иначе.

Она уперлась мне одной рукой в грудь, ладонью другой руки зачем-то закрыла мне рот и громко прошептала:

«-Тише ты, дурак, трусы порвешь, дай я сама».

Как только я увидел мохнатый треугольничек, сознание помутилось, это был выстрел в висок, голова перестала понимать реальную действительность, тогда командование на себя взял мой «маленький друг».

И тут же движения стали резкие, ловкие, отточенные.

Раз – Расстегнулся ремень

Два – брюки с трусами ниже колена

Три -точное попадание в падение.

Как-будто и не было этих двух с половиной месяцев воздержания. Будто бы я целыми днями только и тренировал эту технику. «Моя жертва» обхватила меня за шею руками, ноги скрестила у меня на спине и стала делать поступатель-

ные движения

О-о-о-о-о

Я уткнулся губами в ее ухо и стал нести полный бред:

«Ты моя милая, ты моя любимая, самая лучшая, и так далее, и т. п. и еще, еще и еще.

Темп все нарастал. Спроси меня она в тот момент любой секрет, я бы рассказал все, не раздумывая. Но к моему счастью, она была не шпионка, а настоящая советская женщина, патриотка, можно сказать.

Да, ради этого мига блаженства хочется жить.

И тут А-А-А-А-А.!

Продавщица как ящерица выскользнула из объятий и рывком отодвинулась от меня.

И тут- же на мешке образовалась огромная лужа матово-прозрачной как клейстер, жидкости.

Во, блин, у нас все ямы какие-то демографические, все банк спермы не могут наполнить. А у самих армия почти 1 млн. здоровых, крепких, проверенных военными комиссиями защитников, у которых за три месяца вон, целая лужа накопилась. Тут пробирок на 20—30 хватит, так и Китай переплюнуть можно.

Продавщица поджала губу и с явной обидой спросила:

«-Ты что, все что -ли?».

Да я и сам не ожидал, что так быстро получится. Блин, так долго ждал этого момента и так быстро.

Она надела трусы, прыгнула с мешков, направилась к двери.

– Ладно, пошли. Мешок неси и штаны надеть не забудь, – хихикнула она, закрывая за собой дверь.

Я стоял посередине склада со спущенными ниже колен брюками и по всему телу моему растекалось блаженство, райское наслаждение. Слабость, усталость и ощущение радости сковывало меня, не спеша я стал одеваться, силы прибывали, меня словно мячик накачивали насосом. О депрессии не могло быть и речи. Поправив шапку, я словно пушинку подхватил 50-ти килограммовый мешок сахара и вышел со склада.

Возле прилавка уже стояли трое покупателей.

«-Вот сюда вниз поставь мешок,» – грациозно показала пальцем продавщица.

Нет, нет какая продавщица – мисс грация, мисс вселенная, богиня, спасительница.

Я наклонился, положил мешок. «Богиня» присела рядом со мной на корточки, чмокнула меня в щеку и шепнула на ухо:

«-А ты заходи».

Не помня себя от радости, я выбежал из магазина. Я летел, я парил и плевал на эти дурацкие проблемы, которые буквально полчаса назад я считал неразрешимыми.

А эти две здоровенные пудовые гири, которые висели у меня между ног, превратились в маленькие невесомые шарики. И весь я был невесомым, но наполнен нечеловеческой силой, аж трещал по швам от переполнявшей меня радости и огромного счастья.

Заметки на полях: все бабы дуры, есть конечно умные но тоже дуры они даже не представляют какой силой обладают. В тот момент я был готов на любой подвиг, на дерзкое преступление. Готов ко всему. Бабы, неужели это только мое открытие, неужели это плохо когда рядом – счастливый раб.

Как джигит запрыгивает на своего скакуна я запрыгнул в кабину «школьницы», по- гагарински махнул рукой и сказал:

– Поехали

– Что так долго, товарищ лейтенант? -спросил Мишка Кошечев, так звали водителя.

– Очередь, – не вдаваясь в подробности, улыбнулся я.

Удовлетворившись моим ответом, взревел мотор, и мы тронулись в обратный путь.

Мишка принялся рассказывать какой он отвязанный и фартовый парень был на гражданке. Я слушал его, но не слышал, а только улыбался в такт его байкам. Я вообще не ехал в машине, я летел на крыльях любви к своей возлюбленной жене. Любовь опять снизошла на меня. Я был окрылен. Любовь к жене, к моему будущему ребенку подхватила меня и несла к ним.

Любовь! Какое это счастье любить! Как же это здорово! Господи! Как же я люблю свою жену, как я люблю своего будущего ребенка.

И вот на этой мажорной ноте я ворвался в свой дом, крепко обнял жену, поцеловал в губы и шепотом, как будто раскрывая страшную тайну, произнес:

– Я тебя люблю!

Она отстранилась от меня и спросила :

«-Сникерс купил?».

«-Блин, вот дура, я ей про свои чувства, а она про сникерс,» – подумал я

А вслух:

«Нет, не было».

Жена заплакала.

На следующий день «старшим» в город был Вахо. Он привез моей жене три сникерса, она была счастлива.

Кстати покупал он в том же магазине, у той же продавщицы, ему она продала сникерсы.

.Каждому свое.

P.S. До рождения моего ребенка, я еще два раза был «старшим» машины и каждый раз заходил в магазин к продавщице на склад «за сникерсами».

Мы даже познакомились.

Проверка или все хорошо

30 декабря вечер.

Что думает любой нормальный советский человек 30-го декабря вечером. Я не ошибусь если отвечу за весь Советский Союз, что завтра Новый Год, самый веселый праздник в году. А теперь представьте на минуточку забытый богом зенитно-ракетный дивизион в степях Куйбышевской области и в нем «орудует» проверка автомобильной техники министерства обороны.

30 декабря вечер.

Офицеры и не думают идти домой, я уж не говорю о завтрашнем новом годе. У всех крайняя озабоченность на лицах, бегодня, суета, но что вам говорить, как будто что то изменилось с тех пор.

Знали о проверке заранее, готовились к ней, а она явилась, как гром среди ясного неба-неожиданно.

У нас всегда все не слава богу, то мороз зимой, то жара летом. то долгожданная проверка – неожиданно.

Я лейтенант, полгода как с училища, автотехник дивизи-

она, рвуть в бой.

Эти капитаны, майоры с пузцом, ленивые остепенившиеся – старичье.

А мы пришли с училищ- свежая кровь.

Вперед, инициатива, растолкать, дайте место под солнцем, только попробуйте остановить -сметем. Даешь молодежь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.